

УДК 947 (470.22)

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В ПРИГРАНИЧНОЙ КАРЕЛИИ И ГОСУДАРСТВО (XIII–XVII вв.)

А. Ю. Жуков

*Институт русского языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Статья характеризует систему природопользования в приграничной Карелии в Средние века и начале Нового времени. Карельское приграничье выступает как относительное территориальное единство, получившее название «Корельская земля». Автор доказывает первенство крестьянского освоения края по сравнению с его административно-территориальным оформлением и созданием на местах структур государственного управления. Крестьянское самоуправление опиралось на собственное общинное устройство, а государственная власть включила этот сложившийся порядок в свою политико-правовую систему. Русско-шведские контакты в приграничье учитывали данные обстоятельства даже при проведении конфликтного пограничного размежевания в 1621 г.

Ключевые слова: Корельская земля, крестьянское освоение, традиционное природопользование, община, самоуправление, политико-правовая система.

A. Yu. Zhukov. TRADITIONAL NATURE USE IN KARELIAN BORDERLAND AND THE STATE (13th – 17th cent.)

The paper describes the system of nature use in border areas of Karelia in the Middle Ages and Early Modern Era. Border areas of Karelia are regarded as a relatively integral spatial unit called «Korela land». The author argues people had begun using the land for farming before it was administratively drawn up and governmental bodies were established there. Peasants' self-government relied on community arrangements, and state government integrated this order into its political and legal system. Russian-Swedish contacts in the border area took these circumstances into account even in conflict-necessitated border demarcation in 1621.

Key words: Korela land, colonization for farming, traditional nature use, commune, self-government, political and legal system.

Протяженная полоса земель вдоль границы нынешней Республики Карелия и Финляндии, несомненно, представляет собой вполне отчетливое территориальное единство. Оно складывалось постепенно, со Средних веков, и поэтому имеет давнюю и богатую историю оседлого крестьянского освоения. Одновременно история эта неотделима от общего хода колониза-

ции северных земель Европейской части России Новгородской феодально-аристократической республикой, которая была осложнена постоянным новгородско-шведским военным противостоянием. В результате всех этих взаимозависимых процессов на Севере в широкой полосе российско-шведского приграничья сложился такой *устойчивый комплекс условий*

проживания, который объединял данную территорию в единое целое и без принципиальных изменений перекочевал и в московский, а затем и в петербургский периоды истории страны.

Политико-географически отмеченное единство воплотилось в становлении и бытии в Средневековье **Корельской земли**, протянувшейся от Балтики и Ладоги до Беломорья и саамской тундры [История Карелии, 2001; Жуков, 2005а]. То же единство приграничья в административно-политическом плане проявилось в многовековом существовании режима государственной границы между Россией и Швецией. В XIX в. граница превратилась во внутреннюю административную границу Российской империи между Олонецкой и Архангельской губерниями, с одной стороны, и Великим княжеством Финляндским – с другой. Наконец в XX в. старинное приграничье то разделяло вплоть до войны, то соединяло во взаимовыгодном сотрудничестве СССР и Финляндскую республику. Ныне роль СССР в приграничье играет Российская Федерация, а «Зеленый пояс Фенноскандии» включает приграничную территорию.

Но это все факты общеизвестные, они рисуют картину территориальной целостности приграничья лишь в общих чертах, не высвечивая конкретно комплексное взаимодействие крестьянско-общинных, государственных и внешнеполитических начал общественной жизни. Между тем, взаимосвязь трех данных факторов как нельзя более ярко проявилась в истории приграничного размежевания между Россией и Швецией в 1617–1621 гг. Раскрыв их, мы сможем ответить на вопрос о характере природопользования в приграничной Карелии.

Дело в том, что русско-шведская государственная граница 1621 г. в Карелии реально, на местности *была установлена и проведена крестьянами*, жившими по обе стороны новой пограничной черты. Это главная особенность пограничного размежевания между Россией и Швецией, зафиксированная как в самих условиях Столбовского мира 1617 г., так и в ряде русско-шведских договоренностей, состоявшихся в 1617–1621 гг. В соответствии с ними все участки новой пограничной черты определялись «по старожилцовым скаскам вправду, как исстари бывали», т. е. по показаниям местных жителей, свидетельствовавших о границах их волостных и общинных владений. При этом государственным делегациям (царским «межевым послам» и королевским «межевым комиссарам») отводилась формальная роль фиксации новой линии [РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34]. Данный порядок маркировки границы непо-

средственным образом вытекал из характера общинного природопользования, закрепленного и юридически в тогдашнем российском законодательстве, и общим строем государственного управления северным приграничьем. Поэтому закономерно, что в официальных документах о разграничении даже линия государственной границы называлась крестьянским термином «межа».

Разберемся в причинах. Крестьянское освоение северных земель носило общинный характер. В большинстве случаев сначала крестьяне осваивали слабозаселенные саамами территории, и только затем государство налагало на них свою руку, воплощаясь в сборе налогов. Внешнеполитический фактор противостояния со Швецией диктовал третье условие приграничной колонизации: крестьяне не становились зависимыми от отдельных феодалов крепостными, а их угодья не превращались в частно-феодальные вотчины. Наоборот, приграничное крестьянство управлялось государством через его администраторов, а приграничные земли являлись не частным, а государственным достоянием. Данный порядок обеспечивал в целом надежный, постоянный и пристальный контроль государства над уязвимой в военном отношении линией границы. Иначе говоря, в северном приграничье уже со времен Великого Новгорода утвердился *строй государственного феодализма*. Этот строй с не принципиальными изменениями и просуществовал с XIII до середины XIX в.

Теперь обратимся к конкретике. Главой правительства Новгородской феодально-аристократической республики являлся архиепископ Великого Новгорода и Пскова, поэтому именно он контролировал границу со Швецией. В приграничной Корельской земле его прямая власть распространялась на так называемые «волости за владыкою», которые тянулись вдоль всей границы с королевством на север вплоть до Лиексы и хребта Суомиселькя (ныне в Финляндии). Но такие же волости лежали широкой полосой и вдоль восточной административной границы земель карелов с Обонежским рядом: от Салми и на север до Суоярви (ПК 1500 г.), т. е. как раз в том районе, где и пролегла потом, в 1621 г. новая граница. С другой стороны, к этой старинной административной черте в XV–XVII вв. подходили земли Олонецкого погоста. На его самых западных землях от Сямозерья и р. Видлицы до Обжи располагалась владычная Олонецкая волость. Далее по берегу Ладоги к устью Свири, на территории Пиркинского погоста шла территория владычной же Пиркинской волости [ПК 1563 г.

С. 65–75, 78–84]. Архиепископ держал пульс на миграционных потоках карелов из приграничной Корельской земли по северному побережью Ладоги на восток, в сторону Олонецкой равнины и Онежского озера.

Кроме указанных двух районов, находившихся под прямым управлением высшего должностного лица Великого Новгорода, в приграничной Приладожской Карелии существовала и третья зона государственного землевладения. Это территория княжеского «кормления», протянувшаяся по ладожскому побережью от района Ките (ныне в Финляндии) и Лахденпохьи через Сортавалу и вплоть до Питкяранты. Сами князья нанимались Великим Новгородом для «службы мечем», а оплатой службы или по-тогдашнему «кормом» им служили налоги с части государственных земель, в том числе с указанных земель северного Приладожья. Сюда кормленные князья присылали своих наместников, имевших резиденцию в административном центре Корельской земли городе-крепости Корела (ныне – Приозерск) [Жуков, 2007]. Но в ходе археологических раскопок в Приозерске установлено, что там же, по крайней мере, в середине XV в. находился и наместник архиепископа [Saksa, 1998]. Таким образом, глава новгородского правительства присматривал и за приграничным населением, и за наместниками князей, пресекая лишние княжеские поборы, чреватые недовольством местных жителей, которые являлись ценными союзниками республики при любом обострении обстановки на границе. Так оформлялись единые административно-политические подходы к управлению приграничьем, что, безусловно, способствовало выделению его в территориальное целое.

Московское правительство, упразднив в 1478 г. удельную независимость Великого Новгорода, в принципе, почти ничего не изменило в данной системе. Государственные земли стали «государевыми», т. е. так и остались государственными, а у архиепископа отняли приграничные волости Корельской земли, но оставили волости на Олонце и Свири в Заонежских погостах нового Новгородского уезда. Теперь в Корелу вместо наместников владыки и кормленных князей из Москвы присылались наместники великого князя, которым был твердо определен «корм» с тех же кормленных земель от Ките, Лахденпохьи и Лиексы на западе до Питкяранты, Салми и Суоярви на востоке. Со времен Великого Новгорода вся эта область традиционно называлась Задняя Корела, т. е. дальняя по отношению к Новгороду часть Корельской земли. Она делилась на 4 погоста-района: Кирьяжский (центр на Кирьяже, ныне Куркиёки),

Сердовольский (центр на территории нынешнего г. Сортавалы), к северу от него Иломанский (ныне Иломанси, Финляндия), а к востоку Соломенский (Салми). Иломанские земли занимали также западные склоны Западно-Карельской возвышенности. В XVI в. там возникли так называемые Ребольские волостки.

Соответственно, ближняя к удельной столице область Передняя Корела лежала к югу и включала 3 погоста: Городенский с г. Корела, Сакульский (Сакула, ныне Громово) и Ровдужский (Рауту, ныне Сосново). Так вот, ее приграничные земли напротив западного берега Ладоги и города Корелы в 1490-х гг. перешли от владыки к помещикам [ПК 1500 г.]. Но тогдашние помещики являлись не самовольными вотчинниками, а просто профессиональными военными на государевой службе. За службу помещики наделялись поместьями с оброком с крестьян, которые по своей природе оставались государевыми крестьянами. Так что оброк с поместья являлся такой же платой за службу, как и «корм» наместнику. А если, например, помещик умирал, не оставив после себя сына-военного, поместье отбиралось у вдовы и передавалось другому служившему военному. Конечно, у карелов существовала своя феодальная знать, так называемые «пять родов корельских детей»¹. В отличие от приграничных владычных волостей, их невеликие вотчинные земли не были конфискованы, поэтому знатные карелы в тогдашних документах назывались своеземцами. Но, не имея надежных источников к существованию, к середине XVI в. они передали вотчины государству, а оно, в свою очередь, взяло их на военную службу и возвращало им их же деревни, но уже на правах обычных поместий; с этого времени все своеземцы назывались земцами [ПК 1568 г.].

Параллельно с землеустроительным процессом шло административно-территориальное оформление приладожской Корельской земли: в 1500 г. из ее земель Москва образовала Корельский уезд. Далее, в 1560-е гг. царских наместников в Кореле сменили воеводы. Они были такими же представителями властной элиты страны, как и бывшие наместники, но не имели права на «корм» [Жуков, 1994]. Поэтому бывшие земли «за наместниками корельскими» стали просто государевыми черносошными землями. Но в 1580/81–1597 и с 1611 по 1711 гг. Корельский уезд под названием Кексгольмский

¹ «Дети» – термин русской феодальной иерархии. «Дети корельские» соответствовали русским «детям боярским», т. е. феодалам, располагавшимся на ступенях иерархической лестницы между низшими представителями феодальной знати «жильцами» и высшими членами властной элиты государства боярами и князьями.

лен находился под властью Швеции и имел шведскую систему управления и законов.

К северу и востоку от Задней Корелы лежали Лопские погосты или «Дикая Лопь»², они сформировались не ранее XV в. Юг этого округа (Линдозерский и Семчезерский погосты) принадлежал Онежскому озерному бассейну. Средняя и северная части Лопи (погосты Селецкий, Паданский, Ругозерский, Шуеозерский, Панозерский и волости Кемская и Шуерецкая) входили в бассейн Белого моря. С запада Лопские погосты отделялись от ребольского приграничья природным водоразделом с Балтикой – Западно-Карельской возвышенностью. Лопские погосты относились к Новгородскому уезду. В 1592 г. Москва создала новый административный округ Соловецкого монастыря, который составили Кемская волость (на западе ее земли включали Софпорог и Войницу) и волости Поморского берега (от Унежмы до Сороки); в 1613 г. в округ перешла Шуерецкая волость. К северу, в бассейне р. Кереть и Пяозера находилась Керетская волость с центром в Керети (ныне – пос. Чкаловский), она традиционно, со времен Великого Новгорода принадлежала Двинской земле, но в 1582 г. Иван IV, отражая агрессию шведов, создал новый Кольский уезд, и Кереть вошла в его состав [История Карелии. С. 110–111]. Население Лопских погостов и Керети в московский период истории Карелии по большей части являлись государевыми черносошными крестьянами.

Своеобразным напоминанием о статусе государевых крестьян, находившихся под воеводским управлением, служит грамота царя Ивана IV Грозного в Корелу воеводе В. К. Сухово-Кобылину от 6 июня 1577 г. Тогда один из черносошных крестьян Иломанского погоста послал лично на имя царя «челобитье»-жалобу на односельчан в том, что пользуясь временным отсутствием челобитчика, сосед завладел его имуществом, а когда истец потребовал опротестовать грабеж на сходке перед членами своей общины,

² Термин *Lappi* – *Лопь* первоначально относился к саами. И лишь при освоении их территории карелами Лопью стали называть также их бывшие земли. Саами в большинстве своем вели подвижный, почти кочевой образ жизни. А к кочеванию в древнерусском языке соответствовало определение *дикий* в значении «кочевой» (ср., напр., «Дикое поле», т. е. заселенные кочевниками причерноморские степи, – и «Лопь Дикая»). Но немногие саами жили также и полуседлым «лешим» (лесным) способом. В Завещаниях Ивана III и Ивана IV наследникам Корельская земля передавалась однотипно: «даю Корельскую землю всю: город Корелу, с волостями и с путми, и с селы и с погосты, ...и с Лопью Лешею, и с Дикою Лопью» [ПРП, 1955. С. 269; ДАИ, 1846. С. 384].

они не только не поддержали потерпевшего, но и позволили ответчику его прилюдно избить и оскорбить словами. Поражает, что жалоба от какого-то крестьянина из далекого уезда не затерялась в кремлевских «коридорах власти». Наоборот, царь как глава государства, чьи чернососные крестьяне являлись его непосредственными «подданными» (т. е. платившими ему налог *дань* и именно поэтому имевшими право на монаршее заступничество), изложив воеводе челобитную, потребовал от него провести собственное судебное разбирательство по жалобе и отослать в Москву свой приговор для царского утверждения [Акты Юшкова, 1898. С. 188–189]. В рамках данной системы централизованного управления и существовали крестьянские общины, и, следовательно, сформировался общий для всех порядок землепользования и разработки иных природных ресурсов.

Главным из видов отношений местных жителей и государства являлись, конечно же, отношения налоговые, которые, в свою очередь, приводили к закреплению *устойчивых комплексов приемов и навыков природопользования*. Первое, что бросается в глаза при тщательном анализе налогообложения в приграничной Корельской земле, – как и в целом на Русском Севере, – это долговременность налоговых условий природопользования. Писцовые книги (переписи – «письмо») составлялись раз в 20–40 лет, и за это время отмеченные в ней налоги и ставки налогов оставались неизменными. Конечно, за такое долгое время жителей могла постигнуть беда (запустение территории от эпидемии, голода, вражеского вторжения, – последнее было особенно характерно для карельского приграничья). Но тогда следовала жалоба населения, и Москва проводила «дозор» – проверку на месте истинного положения дел и составление писцами временной переписи («дозорной книги»), которая учитывала убыль населения и его хозяйственных возможностей. Так, в Дозорной книге Лопских погостов 1597 г. учтены все двory, сельскохозяйственные угодья, мельницы и др. объекты, запустевшие в ходе шведской интервенции в Беломорскую Карелию в конце 1570-х – начале 1590-х гг. [ДК 1597 г.]. Инициатором мог выступать и царь, и тогда по его указу глава местного самоуправления «губной староста» выезжал в отдельные погосты для «обыска». Например, причина и шведские вторжения в начале 1570-х гг. так опустошили Корельский уезд, что Иван IV приказал губному старосте Корельской половины Водской пятины составить обыскные

книги на погосты уезда (см., например, сохранившиеся «обыски» 1571 и 1573 гг. Кирьяжского и Сакульского погостов: [Самоковасов, 1909. С. 59–125, 312–315]). Обратная же ситуация (резкий рост населения и хозяйства) не вызвала дозора. Так что чем лучше развивалась территория, тем, в конечном счете, меньшая налоговая нагрузка ложилась в расчете на одно хозяйство, – причем в течение долгих лет до следующей переписи.

Данное обстоятельство прямо вытекало из второй особенности практики фиска. «Письмо» четко закрепляло за каждым дворохозяйством, деревней, общиной-*переварой*, вотчиной или помещьем ставки налогов, но общее количество налогов и их конкретные суммы в деньгах со всех этих объектов налогообложения исчислялись не в нем, а в так называемой Платежной книге, которая составлялась по результатам переписи и давала только подсчет податей по каждому из районов-погостов [см., например: Самоковасов, 1909. С. 372–396]. Поэтому конкретным ежегодным распределением этой налоговой суммы между дворохозяйствами в погосте занималось местное крестьянское самоуправление: старосты и выборные делегаты от всех имущественных слоев крестьянства (от «лучших и середних и молодших людей») в соответствии с величиной семьи, земли, промыслов и достатка. Ясно, что с течением времени конкретные суммы налогов на одно хозяйство уже не соответствовали той величине налоговых единиц, которые были отмечены в переписи, но налоговый пресс на погост оставался неизменным до составления следующей платежной книги. Долговременная постоянная сумма общего налогообложения погоста позволяла крестьянскому двору маневрировать в эксплуатации земли и природных угодий в условиях сверхрискованного земледелия в северной таежной климатической зоне. В конечном счете определенность в фискальной политике помогала крестьянству осваивать земли и природные богатства с меньшими издержками.

Карельская земля была протяженной и освоенной в разной степени. Все это сказывалось на способах налогообложения. В Передней Кореле налоговые единицы начислялись в *обжах*. Обже соответствовала конкретная сумма дани и *посохи* (военного налога деньгами или отработками в военных целях). К этой же ставке приравнивалось количество натуральных платежей *оброка* (рожью, льном, баранами, сыром и т. д.), которые крестьянин должен был заплатить за пользование природными ресурсами – либо государю, либо помещику, либо вотчиннику-монастырю [ПК 1500 г.

С. 8–119]. Конечно, размеры хозяйств различались. Поэтому писец начислял точное количество обжей в целых числах и долях. Поэтому же, когда, например, поместье получало нового помещика, ему от лица государства строго запрещалось взимать оброка больше, чем исчерпывающе указано в переписи – «чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла» («ввозная грамота» помещику, 1502 г.) [Самоковасов, 1905]. Данный способ налогообложения мог иметь место лишь в том случае, если крестьянское хозяйство велось «в пределах видимости», когда государев писец мог лично оценить его размеры и виды природопользования. Иное дело – погосты Задней Корелы и Лопские погосты.

Задняя Корела и Лопские погосты даже в XVI в. являлись не до конца освоенной территорией. К тому же, в силу худших природных условий тут каждый крестьянин вел хозяйство не только в пределах ближайших окрестностей деревни, но и в отдаленных, плохо освоенных в сельскохозяйственном отношении местах (подсека, сенокосы на болотах, охота и рыболовство). Иначе говоря, местное крестьянское хозяйство отличалось широким разнообразием привлекаемых природных ресурсов и объектов, в нем собственно сельское хозяйство отнюдь не всегда превалировало. Поэтому здесь писец был просто не в состоянии лично оценить в сельскохозяйственных обжах каждое хозяйство по его размерам и видам деятельности и поэтому применял другую, комплексную единицу налогообложения – *лук*. Хотя в переписи везде отмечалось, что «лук писан за обжу», на деле к 1 луку всегда приравнивали 1 дворохозяина (если во дворе проживали 2 семьи, то шло 2 лука и т. д.). Лук узаконивал порядок эксплуатации крестьянами природных объектов [ПК 1500 г.; ДК 1597 г.].

Конечно, как таковой лук являлся главным оружием охоты на пушного зверя. Впервые термин встречается в договорах середины XIII в. между Новгородом и Норвегией, в которых говорилось: «братъ не более пяти серых шкур с каждого лука», – здесь речь шла о налогообложении человека, охотника, а вовсе не земельного участка. Со временем луком стала называться ставка налога как идеальная доля из всего неизвестного наверняка дохода, получаемая крестьянским хозяйством [Жуков, 2004. С. 318; Zhukov, 2004. P. 329]. Государство вполне признало факт чрезвычайной распыленности в пространстве хозяйственной деятельности и ее разнообразия и не пыталось выяснить дотошно его размер и виды. Оно лишь подразумевало, что если есть хозяин, то он должен

выплачивать налоги, приравненные по размеру к 1 обже. Поэтому никогда крестьянское хозяйство не оценивалось в долях лука, – точно так же как в долях нельзя оценить конкретного человека. Как человек – целое, так и лук – комплексная целая окладная единица без всяких «долей» лука.

Одновременно мы должны указать на следствие из данного общего порядка. Так как государство устанавливало фиксированную и рассчитанную на долгие годы ставку налогов с каждого конкретного хозяйства, деревни и общины в целом, то тем самым оно узаконивало и принадлежность только данным субъектам природопользования конкретной территории, на которой велись сельскохозяйственная деятельность и промыслы. Никто из посторонних людей не имел права отобрать у крестьянина и его прямого наследника его участок, поскольку данный объект природопользования надежно фиксировался писцовой документацией как объект налогообложения, принадлежавшего только отмеченному крестьянину, дворохозяйству, деревне и общине в целом³.

По традиции каждые три обжи или лука назывались «сохой». Данное *посошное налогообложение* на Севере Москва переняла у Новгорода. В этой связи интересна история деревни Поросозеро, или *Порозеро*, как она называлась при своем основании. История эта была записана в 1620 г. при приграничном размежевании со Швецией. Староста Порозерской волости Ларион Алексеев рассказал новгородскому воеводе, что на ее месте еще в середине XV в. («тому болши полуторосот лет») стоял «черный лес», т. е. лесные угодья, принадлежащие государству, в которых промышлял беспашенный «лоплянин» (житель Лопских погостов) по имени-прозвищу Пор. (Видимо, Пор выплачивал налог в 1 лук по месту своего постоянного проживания в лопском Селецком погосте, в границах которого находилось будущее Поросозеро, но об этом предание умалчивает.) На этих охотничьих угодьях Пора поселились три крестьянина – Нестер, Григорий Тужил и Григорий Пахкуев, сын Ускин, поднявшие целину и поделившие земли между собой. В честь Пора они назвали и озеро («а чрез него течет Суна-река») и свою новую деревню Порозером. Со своей 1 сохи (3-х луков) крестьяне стали выплачивать дань Новгороду, но незадолго до падения республики отдали Порозеро в вотчину

³ Укажем на вполне обыденный факт: даже в XIX в. к сведениям переписей XV–XVII вв. прибегали при земельных спорах и судебных тяжбах как к безусловным доказательствам на право владения и собственности.

Валаамскому монастырю⁴. После 1478 г. Москва не только не отменила это самостоятельное общинное решение, но даже передала обители свою дань с жителей Порозера «на темьян да на ладан» [РГАДА. Ф. 96. Оп. 1/1620. Д. 1. Л. 117–118]. Предание свидетельствует о строгой зависимости государственного оформления территории, прежде всего в налогообложении, от крестьянского освоения.

Государство в своих внешнеполитических интересах поддерживало крестьянское освоение приграничья. Так, под 1509–1510 гг. имеется первое упоминание Ребол в «Платежной книге Корельской половины Водской пятины» Ф. В. Калитина 1571 г.: «Лета 7018 порядили [заключили договор-«ряд» – А. Ж.] дьяки Александр Обрезок да Иван Сумарок в Задней Кореле, на Волошский наволок, в Лексо-озеро Олиска да Куземку 7 луков в деревне Реболы в Ыломанском погосте». Затем, под 1511–1512 гг. записано, что в Ребольскую волость пришла жить «на черном лесу... не письменных луков перевара не великого князя 8 сох» [Самоквасов, 1909. С. 386, 387]. Письменные луки – это хозяйства, отмеченные в переписи 1500 г., а данная карельская община «не великого князя» в 24 семьи пришла сюда из-за границы, со шведской стороны. И в дальнейшем *Ребольские волости* вдоль государственной границы: Реболы, Лендеры, Ровкула, Кимасозеро, Мандозеро, Бабья Губа, Кондукса, Костомукса, Вокнаволок, Войница, Муномолакша, Рогозеро, Елетьозеро [ПК 1678 г. Л. 97 об. – 155 об.], – заселялись не только за счет естественного прироста, но и силами переселенцев из Корельского уезда и со стороны Шведского королевства. Чтобы обезопасить себя от претензий шведов во время пограничного размежевания, Кремль около 1621 г. включил Ребольские волости в Кольский уезд, воспользовавшись тем, что там еще проживали группы саами. Одновременно карелы, составлявшие подавляющее большинство жителей, были отданы царем под управление игумена Соловецкого монастыря [Жуков, 2003. С. 93–95]. Впрочем, к середине XVII в. и они на

⁴ Тогда повсеместно и во всех слоях общества вполне серьезно ожидали «Конец Света» в 1592 г., т. е. в 7000 г. от Сотворения Мира: греческие Пасхалии, которыми пользовались на Руси для ежегодного определения дат Пасхи и других церковных праздников, были рассчитаны византийцами только до 7000 г. Вообще вотчины ладожских Спасо-Преображенского Валаамского и Пречистинского (Рождества Богородицы) Коневского монастырей поражают чрезвычайным рассредоточением месторасположения своих деревень. Видимо, основная их часть и перешла обителям во второй половине XV в. – как благочестивый дар перед Страшным Судом.

время перешли под власть воевод Колы. Передать Ребольские волости в состав Олонецкого уезда заставила Северная война со Швецией. Тогда всех ребольцев приписали к оборонным работам на Олонецких Петровских заводах.

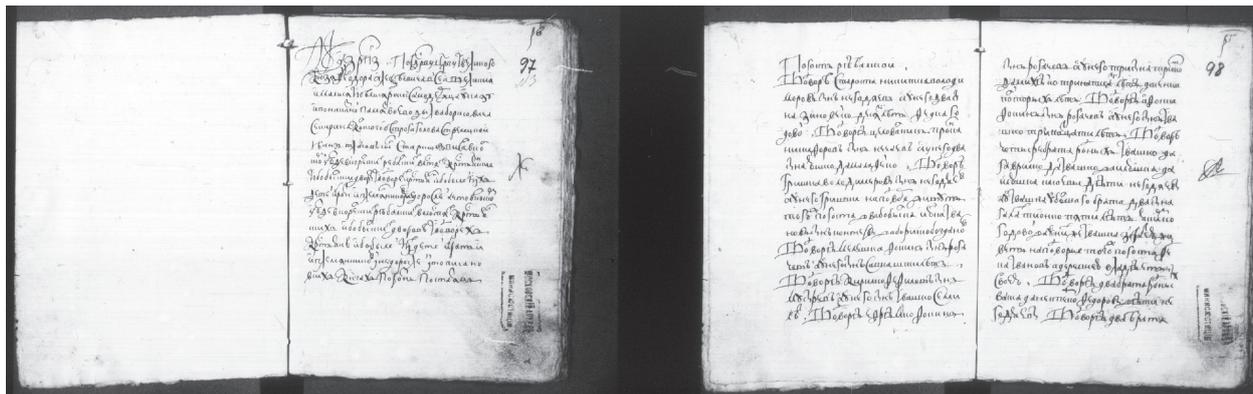
Для нашей темы очевиден вывод о складывавшейся веками системе освоения северных земель, в том числе территории «Зеленого пояса Фенноскандии». Повторим его. Сначала имело место крестьянское освоение природных богатств, и только затем государство налагало свою руку в сфере фиска и управления, но одновременно оно и узаконивало складывавшиеся в ходе освоения методы и территории крестьянской колонизации. В целом вторичная роль государства в деле освоения природных богатств принципиально диктовалась тем, что общинная система, в том числе общинное природопользование не вытекали из административно-фискальной системы государства, а имели собственные, независимые от властей корни. Общинное освоение северных земель носило чрезвычайно разрозненный, чересполосный характер. И тем не менее, возникшая чересполосица общинных земель и угодий вовсе не мешала сплочению территории освоения в единую приграничную Корельскую землю, а государство было вынуждено признать право общин и отдельных крестьян на их владения. Наиболее ярко это демонстрируют тысячи частноправовых актов государевых крестьян со всего севера России, частью которых являлись крестьяне карельского приграничья. В этих крестьянских юридических документах зафиксировано право крестьян продавать, завещать на сторону, сдавать в аренду, закладывать, дарить собственные земли и угодья, а универсальной юридической формулой, очерчивавшей границы природопользования каждого крестьянского хозяйства, служила фраза со многими вариациями: **«куда моя соха, топор и невод ходили»**. При этом крестьянин всегда подчеркивал двойственность природы собственности на недвижимость, например: «земля царя и великого князя, а моя вотчина» (т. е. прямое наследование от отца), или «...а моя купля» (купленная им недвижимость). Со своей стороны власти признавали данные права, так как были заинтересованы в наличии у каждого доходного природного объекта исправного налогоплательщика. Вопрос же о его личности их не интересовал – в конечном счете, за недоимки расплачивалась вся община.

О праве на распоряжение волостными землями, угодьями и промыслами местными крестьянами и их выборными властями свиде-

тельствуют 260 частноправовых актов, составленных жителями беломорских волостей Шуи, Кеми, Керети, Ковды, Умбы и Варзуги в течение целого столетия, между 1484–1584 гг. [АСМ, 1988–1990]; их земли вплотную подходили к «Зеленому поясу Фенноскандии», а кемские и керетские владения на западе находились прямо в его пределах. Анализ их сведений показывает, что все они фиксировали именно данное право на сделки с недвижимостью. И более того, среди этих документов не оказалось ни одного акта, свидетелями которого также не выступали бы местные жители («люди добрые»), и их выборные власти – старосты и целовальники⁵. Но между волостями выявилось и существенное различие: если на шуерецкие, кемские, умбские и варзужские угодья приходится всего 13 из 219 актов, заверенных старостами или целовальниками этих волостей, а оставшиеся 206 сделок свидетельствовались только подписями «людей добрых» (6 и 94 % соответственно), то в Керети и Ковде наблюдается почти противоположная картина: из 41 сделки местные старосты и целовальники заверили 25 или 61 % актов. С нашей точки зрения, данное различие коренилось в способах администрирования волостями. Если для первой группы их характерно управление с помощью «наездов» – единовременных приездов туда новгородских или двинских подъячих и сборщиков, то в Керети и Ковде назначенные государем два данщика и судья-слободчик жили постоянно. Именно данное обстоятельство объективно повышало статус выборных защитников интересов волости перед государством и его не всегда бескорыстными местными управленцами. В доказательство сошлемся на официальный публично-правовой акт – «Отводную» керетского данщика от 14 октября 1564 г. на пустое дворовое место одному из местных крестьян: отвод производился по личному «царскому слову» данщиком и двумя выборными лицами волости, а сам акт об исполнении данщиком воли царя Ивана IV Грозного свидетельствовали (!) староста Керети Нечай Власьев и 13 «добрых людей» [АСМ, 1988–1990. С. 181–182].

Хотя в данном примере речь идет о личном царском распоряжении в отношении частного лица, но в целом монархи, конечно же, предпочитали иметь дело не с отдельными крестьянами, а с их общинами, которые как территории со времен Великого Новгорода в Задней Кореле и на юге Лопских погостов назывались

⁵ *Целовальник* – здесь выборное лицо местного самоуправления в судебно-следственной или фискальной сферах, – от юридического обычая целовать крест на церковной присяге при вступлении в должность.

Начало описания Ребольских волосток в Переписной книге Кольского уезда 1678 г. [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 15056. Л. 97–98]: «(Л. 97) Лета 7187. По государеву царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу и по наказной памяти воеводы Льва Борисовича Секирина Колского острога голова стрелецкой Иванъ Власовъ сынъ Старковъ писал в Колском уезде в корельских Реболских волостях крестьянские и бобыльские дворы, и во дворех крестьян и бобылей и ихъ детей и братьи и племенников и недорослей... И то писано в сихъ книгахъ порознь по статьямъ. (Л. 97 об.) Погостъ Реболской. Во дворе староста Никитка Володимеровъ сынъ Негодяевъ, а у него два сына: Зиновеико десяти летъ, Федка годовой...»

словом «перевара», а впоследствии – волостью. Собственно, тогда перевара и означала общину на государственных землях, выплачивавшую «корм». Земли перевары не обязательно замыкались в рамках одного погоста, т. е. административного района, на которые делился уезд. Так, некоторые деревни перевар Иломанского погоста стояли под Сортавалой, и наоборот, сердовольские перевары имели свои деревни «на Иломанце». При этом «корм» с Иломанского погоста шел архиепископу, а с Сердовольского – служилому князю [Жуков, 2005б]. Ясно, что здесь мы имеем дело с чересполосицей при освоении северных земель общинами, а не с решением государства. Московские власти просто признали сложившиеся между крестьянскими общинами границы-«межи» и узаконили их в общей переписи Корельского уезда 1500 г.

Административное разграничение Корельской земли на погосты также имело в основе первичное освоение природных комплексов. Конечно, сами погосты возникли при Крещении карелов в 1227 г. «Князь Ярославъ Всеволодичъ пославъ крести множество Корел, мало не все люди» [Лавр Л., 2001. Стб. 449]. Но территории будущих погостов, по-видимому, уже тогда объединяли племенные группы карелов. Доказательством данного предположения служат древние топонимы, имеющие основу *pühä*, т. е. «святой». Эти природные объекты вовсе не «святы» с точки зрения христианской святости. Здесь основа иная, языческая. В древних прибалтийско-финских обществах, как, впрочем, и у других народов на завершающей стадии первобытно-общинного строя принято было *табуировать* границы своих владений: объявлять их «святыми», т. е. *запретными* для

взаимного перехода и хозяйственного использования своей группой и соседями. Так, на юге Карелии целый Важинский погост (от Важин на Свири до Святозера на севере) был отграничен топонимически от соседних погостов именно такими «святыми межами». Между тем, известно, что первичная колонизация западного Прионежья являлась общеплеменным делом посвирской веси (предков нынешних вепсов) [Муллонен, 2002. С. 145–152].

В Передней Кореле граница Городенского и соседнего Сакульского погостов проходила по озеру Святозеро–Pühäjärvi; поэтому, кстати, селения сакульской Святской перевары занимали только южное побережье озера. В Задней Кореле свое Pühäjärvi–«Святозеро» разграничивало перевару «на Угониме» (ныне Укониemi, Финляндия) Кирьяжского погоста и Сердовольский погост. И ныне по оз. Пюхярви проходит государственная граница России и Финляндии. Наконец, Pühäjoki–«Святая река» размежевала северные зоны колонизации карелов и финнов в Восточной Приботнии. Эта старинная природная «святая межа» стала государственной границей Новгородской республики со Швецией по Ореховецкому миру 1323 г. Впрочем, договор лишь узаконил ее на межгосударственном уровне, но сама граница как таковая сформировалась в недрах государственных обществ карелов и финнов, которые придерживались норм обычного права. Данное право обычая и признал Новгород, когда сразу после Крещения 1227 г. разделял приладожскую Карелию на погосты сообразно карте проживания сложившихся ранее племенных групп древних карелов и их разграничению. Интересно, что внутри погостов «письмо»

1500 г. не зафиксировало «святые межи» между переVARами. Повторим, внутренняя крестьянская колонизация шла чересполосно и проходила, теперь мы утверждаем это, уже в условиях государственности, после 1227 г.

Поддерживавшееся государством освоение крестьянами природных богатств Карелии приводило к все более плотному заселению края. Мы провели анализ сведений Писцовой книги Корельского уезда 1500 г. Они содержат данные не только на самый конец XV в. («новое письмо»), но и предыдущей переписи, проведенной Москвой после присоединения Великого Новгорода (так называемое «старое письмо»). Выяснилось, что с точки зрения освоения в этот короткий промежуток времени наиболее хорошие показатели имели окраинные погосты Иломанский и Соломенский. Так, в Иломанском погосте на 6 % выросло число людей и на 38 % – новых деревень, а в Соломенском погосте показатели составляют соответственно 9 и 33 %. Подсчеты выявляют два главных направления миграции карелов. Они, продвигаясь на север, на Иломантси и далее в Лопские погосты и в Беломорье; и мы знаем, что в Беломорской Карелии в XVI–XVIII вв. сложилась этническая группа северных или собственно карелов. Миграция шла и через Салми на восток – на Олонец и в Сямозерье, ранее колонизированные весью. Там карелов оказалось особенно много. Это привело к формированию карелоязычного населения (в XVIII в. – уже карелов-ливвиков). Продвигаясь далее менее сильным потоком к Онежскому озеру, карелы освоили Святозеро, р. Важинку и северо-западное Прионежье; там постепенно образовывались карелы-людики, по языку более близкие к вепсам, чем ливвики.

Кроме этнических последствий, крестьянское освоение изменяло административную карту края. Выше отмечалось становление в XVII в. множества Ребольских волостей вдоль государственной границы России. На южной же границе «Зеленого пояса Фенноскандии» в Карелии, в полосе от Салми до Ребол данный процесс шел еще интенсивнее и вполне явственно проявился уже в XVI – начале XVII вв. в виде образования волостей внутри старинных районов-погостов или вне их прежних границ. Именно с успехами земледельческо-промыслового освоения территорий погостов связано внутреннее административное разграничение, которое в 1621 г. ярко проявилось в прямом участии крестьянских общин при пограничном размежевании России и Швеции.

Об успехах крестьянского освоения данного района в XVI – начале XVII вв. свидетельствует само официальное описание новой русско-

шведской границы – «Межевая запись» от 3 августа 1621 г. [РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34]. Она начиналась с первого отрезка «межи», разделявшего Соломенский и Олонецкий погосты еще при власти Великого Новгорода и шедшего от Варачева камня у берега Ладоги до Пиземаламбы: «и тут скончался [т. е. закончился – А. Ж.] Корельского уезда Соломенской погост», – констатировала «Запись». Между тем, еще в XV в. Соломенский погост заканчивался гораздо севернее, он включал две деревни у истока р. Шуи из оз. Суоярви – «блиско Суи-реки» и «за рекою за Суею», – и деревню *Ялгалакша Кайбальской наволоку у озера у Суярвы* (ныне Кайпа, г. Суоярви) [ПК 1500 г. С. 186, 188]. Источник же 1621 г. фиксировал на данном участке целый ряд новых волостей, которые сложились в XVI – начале XVII вв. и не принадлежали уже погосту в Салми.

Начиная с Пизема-ламбы шли земли новой *Шуйстамской выставки* (Суйстамской волости) Сердовольского погоста с *Тулмозерской волостью* Олонецкого погоста. Другими словами, сердовольские крестьяне создали новую волость в составе Сердовольского погоста (*выставились* – по терминологии тех лет), причем на востоке они вышли к олонецкой административной границе. С другой стороны, последней уже имелась Тулмозерская волость, о которой «письмо» 1563 г. сообщило, что «деревни на Туле озере Соломенского погоста, а тянут к Олонцу», и одна из них «была деревня у часовни, а ныне поставлена церковь выставка Никола Чюдотворец» [ПК 1563 г. С. 71–73]. Получается, что группа карелов из Салми переселилась в Олонецкий погост и основала три десятка небольших деревушек на Тулмозере, а свой новый волостной статус тулмозерцы закрепили постройкой церкви, став отдельным приходом. Можно вполне уверенно предположить, что, поскольку новгородская архиепископия «Дом св. Софии» в 1500 г. лишилась права на земли и «корм» в Соломенском погосте, то она была заинтересована в переходе своих бывших крестьян в Олонецкую владычную волость и поэтому выделила переселенцам пустующие земли на Тулмозере.

По «Межевой записи», суйстамский участок границы шел до Курдоман-сельги, где начинался так называемый Хюрсюльский выступ – владения дальних и теперь сердовольских деревень Кайбонаволоку (Кайпа – см. выше) и Гулсюля (Хюрсюля) с олонецкими Тулмозерской и *Сямозерской* волостями. Затем размежевалась новая *Шуезерская выставка* (Суоярви) сначала с олонецкой Сямозерской волостью, а потом с Лопскими погостами Новгородского уезда – с Линдозерским погостом и Поросозерской

волостью Селецкого погоста. Как известно, Суоярви, Сямозеро, Поросозеро и Линдозеро принадлежат бассейну Онежского озера. Здесь карелы, перебравшись через водораздел, принялись осваивать новые земли за пределами ладожской бассейновой территории Задней Корелы. Наконец, начиная с озера Ладва-ярви граница разделяла уже Иломанский погост с лопским Селецким погостом и Ребольской волостью Кольского уезда. Вплоть до Ребольских волосток новая граница проходила по вполне сложившимся ранее границам погостов, соответственно, расстояния от порубежных населенных пунктов и пустошей (бывших поселений) до самой границы было совершенно разным. Но на ребольско-иломанском участке новая граница пролагалась внутри бывшего большого Иломанского погоста Корельского уезда, и здесь разграничение отличалось от всего предыдущего.

На северном иломанско-ребольском участке крестьяне проявили совсем иной подход к разграничению этой слабозаселенной местности. Оказывается, они договорились провести границу так, чтобы та прошла *на равном расстоянии* от их деревень и пустошей. Например, на юге до «межи» на Верхнем Габи-озерке от ребольской деревни Лендеры и от кексгольмской деревни Кичи-на-Бору было по 20 верст, и по 15 верст – от этих же деревень до «межи» Рого-ламбы и Нагриввары; на самом севере волости до «межи» Питковалмы от ребольской деревни Колвасозеро и от кексгольмской деревни Виги – по 30 верст, а до «Великого камня» у Енгоозера от них же – по 40 верст. У этого Великого камня в наволоке на Проккова-ламбе заканчивалась граница Ребольской волости с новым Кексгольмским леном Швеции [РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 34. Л. 43, 46]. Дело в том, что лесные угодья между деревнями являлись весьма ценными объектами природопользования, в которых велась хозяйственная деятельность (подсека, сенокосы на полянах и болотах, охота, рыбный промысел, добыча железной руды и т. д.). Поэтому, по договоренности приграничных жителей, природные площади оказались разделенными поровну между иломанцами, с одной стороны, и ребольскими крестьянами – с другой, видимо, чтобы никому не было обидно. В самом деле, ведь новая граница разделяла не только два государства. Прежде всего, она размежевывала общинные земли и угодья соседних деревень, принадлежавших теперь разным государствам.

Данный порядок установления границы не носил сколько-нибудь экстраординарный характер. Он просто поднял на межгосударствен-

ный уровень давно сложившийся и применяемый повсюду в России способ размежевания деревенских, вотчинных, волостных и уездных земель. В интересующее нас время в зоне «Зеленого пояса Фенноскандии» он был задействован в 1591 г., при создании административного округа Соловецкого монастыря. Тогда потребовалось отделить Кемскую волость нового округа от Новгородского уезда. Размежевание происходило так. В Кемь приехал царский посланец Семен Юрнев, он взял с собой старост и крестьян старожильцев из числа кемлян и из соседних, граничивших с Кемской волостью погостов, и вместе с ними выехал на местность. Там все они и создали новую «межу», отграничив в округ земли и промысловые угодья кемлян от земель и промыслов соседей с помощью межевых знаков-затесов на камнях и деревьях и засыпанных углем ям [Материалы..., 1941. С. 320–327]. Так требовало и законодательство, и просто здравый смысл, потому что именно старосты и старожильцы досконально знали волостные угодья и их границы. Напомним, что точно к такому же решению пришли русские и шведские переговорщики, когда в 1617 г. встал вопрос о новой линии государственной границы между Россией и Швецией. По сравнению с 1591 г. в 1621 г. отличался лишь вид пограничных знаков-«граней»: с русской стороны тогда тесались и резались кресты, а со шведской – короны.

Итак, старинный крестьянский юридический принцип владения и эксплуатации всевозможных природных объектов «куда соха, топор и невод ходили» выдержал проверку даже в условиях конфликтного пограничного размежевания. Именно он лежал в основе длительного процесса крестьянского освоения новых территорий и традиционного природопользования. Применяемый повсеместно и единообразно не только каждым крестьянином, но и их общинами, он сплачивал приграничные земли в одно целое. Государство было вынуждено признать реальности крестьянского природопользования и в собственном законодательстве, и в конкретике администрирования. Более того, своей долговременной политикой, особенно в фискальной, землеустроительной и административной сферах, оно существенно способствовало закреплению крестьянского населения на вновь вводимых в хозяйственный оборот землях «Зеленого пояса Фенноскандии».

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Литература

Акты XIII–XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Собрал и издал Александр Юшков. М.: [Александр Юшков]. 1898. Ч. 1. 1257–1613 гг. 416 с.

Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Л.: Наука, Ленингр. отд-е. 1988. [Вып. 1] Акты Соловецкого монастыря. 1479–1571 гг.; 1990. [Вып. 2]. Акты Соловецкого монастыря. 1572–1584 гг. 328 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб.: Типография II отд-я Собств. Е.И.В. Канцелярии. 1846. Т. 1. 435 с.

Дозорная книга Лопских погостов 1597 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500– ja 1600–luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. I. С. 186–233.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.

Жуков А. Ю. Управление Корельским уездом в конце XV – начале XVII вв. // Новое в изучении истории Карелии. Сборник научных статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 6–28.

Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: Изд-во Новгородского Гос. университета им. Ярослава Мудрого, 2003. 256 с.

Жуков А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб. № 1. Современные тенденции в антропологических исследованиях. 2004. С. 298–322.

Жуков А. Ю. Корельская земля: административно-территориальное оформление в XIII–XV вв. // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. / под ред. П. М. Зайкова, Т. И. Старшовой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005а. С. 74–87.

Жуков А. Ю. Никольский Сердоловский погост под властью Великого Новгорода (XIII–XV вв.) // Сортавальский исторический сборник. Вып. 1. Материалы I международной научно-просветительской краеведческой конференции «370 лет Сортавале» / Отв. ред. А. М. Пашков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005б. С. 36–44.

Жуков А. Ю. Наместники Корельской земли (XIV–XV вв.) // История и культурное наследие Северного Приладожья: взгляд из России и Финляндии. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения известного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайненна и 375-летию Сортавалы (11–13 июня 2007 г., г. Сортавала). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 55–58.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Языки Славянской культуры, 2001. Т. I. 734 стб.

Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.: Сборник документов / Под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1941. 440 с.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: пробле-

мы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 356 с.

Переписная окладная книга по Новгороду 7008 г. Вотской пятины. Корела с уездом / Сообщ. д.ч. М. А. Оболенский // Временник имп. Московского Общества истории и древностей Российских при Московском университете. М.: [изд. Московского университета]. 1852. Кн. 12. Материалы. С. 1–188.

Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л.: Изд. АН СССР, 1930. Вып. 1. 271 с.

Писцовая книга Водской пятины 1568 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500– ja 1600–luvulta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi: ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР – Карельский научно-исследовательский институт Университета Йоэнсуу. 1987. I. С. 52–178.

Российский архив древних актов. Фонд. 1209. Поместный приказ, вотчинная канцелярия, вотчинный департамент. Опись 1. Поместный приказ. Дело 15056. Переписная книга Кольского уезда 1678 г. 161 л.

Памятники русского права. В 8-ми вып. М.: Госиздат. 1955. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. 528 с.

Российский архив древних актов. Фонд 96. «Сношения России со Швецией» (коллекция дел и документов). Опись 1/1620. Дело 1. Отписки новгородских и других со шведами пограничных городов воевод и отписки к ним государевых грамот о разных пограничных делах. 1620 г., генварь–декабрь. 188 л.

Российский архив древних актов. Фонд 96. «Сношения России со Швецией» (коллекция дел и документов). Опись 3. Трактаты. 1513–1710 гг. Дело 34. 1621 г., августа 3. Межевая запись (в списке за скрепою дьяка Копнина и подъячего Частого) межевых судей дворян Гаврила Писемского и Никиты Вышеславского да дьяка Копнина и подъячего Частого, учиненная со шведскими межевными комиссарами Мунке с товарищи, – о размежевании во втором по Стобовскому договору мест Новгородского уезда Олонецкого и Лопских погостов, Кольского уезда и Ребольской волости, данной с российской стороны шведским комиссарам. Тут же приложены за скрепою дьяка и подъячего две росписи местам: [А] Новгородской земли Порозерской волости и Ребольской волости; [В] Олонецкого и Лопских погостов и Кольского уезда Реболской волости. Л. 27–46, 48–62. Подлинный список.

Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М.: [изд. Московского университета], 1905. С. 9.

Самоковасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М.: [изд. Московского университета], 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 59–125. Обыкновенная книга Кирьяжского погоста 21 марта 1571 г.; 312–315. Обыкновенная книга Сакульского погоста 8 августа 1573 г.; 372–396. Платежная книга Корельского уезда 1571 г.

Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinas-karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys // Studia Carelica humanistica, 11. Joensuu: Joensuun yliopisto Karjalan tutkimuslaitos. 1998. S. 113–114.

Zhukov A. Yu. The Saami, 1200–1700 (Source Materials and Commentary) // Forum for Anthropology and Culture. SPb. № 1. Cultural Anthropology: The State of the Field. 2004. P. 304–336.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Жуков Алексей Юрьевич

зав. сектором истории, к. и. н.
Институт русского языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: zhukov@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 784496

Zhukov, Alexey

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: zhukov@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 784496